

ОТЗЫВ

на диссертационную работу В.А. Аракеловой «Езидизм как феномен ближневосточной недогматической среды» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 09.00.05 - «Теория и история религии»

Представленное исследование посвящено комплексному анализу езидизма как уникального синкретического религиозного феномена и одного из ключевых элементов ближневосточной недогматической среды. Тема исследования отличается исключительной актуальностью: в современной гуманитарной науке заметно усиливается интерес к трансдоктринальным формам религиозности, особенно в контексте этноконфессиональных общин Ближнего Востока. Наука последних десятилетий обращает особое внимание на древние религиозные традиции Востока, так или иначе связанные с гностицизмом и иудео-христианской и иудейской средой периода Второго Храма. Эти темы особенно важны для понимания истоков всех трех авраамических религий. На фоне малоизученности езидизма работа демонстрирует масштаб и глубину подхода, позволяющие обозначить нишу данной этнорелигиозной традиции в системе ближневосточного недогматического поля.

Езидизм долгое время оставался на периферии академического изучения, несмотря на его значимость для реконструкции религиозной истории Северной Месопотамии и для понимания механизмов формирования недогматических религиозных систем. Автор справедливо отмечает, что езидизм не может быть адекватно осмыслен как изолированная религиозная система. Он представляет собой многослойное образование, формировавшееся на пересечении различных религиозных мировоззрений — суфийского, крайнешиитского, гностического, элементов народной религиозности и древнеиранской традиции.

Работа состоит из *Вступительной части, Введения, трех глав, Заключения* и списка библиографии. Во вступительной части автор обозначает предмет исследования и его актуальность, цель и задачи работы, обосновывает научную новизну, теоретическое и прикладное значение исследования, приводит историографию темы и представляет методологическую базу, совмещающую методы классического религиоведения и современные подходы к теме. Во *Введении* дан общий обзор ключевых элементов среды Северной Месопотамии периода формирования суфийского ордена адавия, впоследствии трансформировавшегося в езидскую общину, а также некоторых релевантных в контексте данного исследования аспектов езидизма: идеи единого бога *хуадэ*, езидской священной триады, пантеона божеств.

В первой главе анализируются суфийские элементы в езидизме, выступающие закономерным проявлением суфийского наследия в новой, отошедшей от ислама доктрине. Здесь, прежде всего, рассматриваются суфийские персонажи, адаптированные езидской традицией, причём как в свете суфийской агиографии, так и в собственно езидской традиции. Кроме того, даётся анализ суфийской терминологии в езидских текстах: это преимущественно сугубо суфийские понятия, утратившие своё

исконное значение и получившие новую семантику в езидском религиозно-культурном контексте.

Во второй главе представлены параллели между езидизмом и крайнешиитскими течениями (прежде всего иранской крайнешиитской сектой *ахл-и хакк* и зазалеви́тами). Особый акцент сделан на таких знаковых элементах, как культ Ангела-Павлина, культ чёрной собаки и идея реинкарнации, обозначенных автором в качестве основных маркеров ближневосточной недогматической среды. Рассмотрены также ниши, занятые в езидизме ключевыми для шиизма фигурами, в частности имамом Али, чьё обожествление является главной характерной чертой крайнешиитского поля. Одной из наиболее интересных частей работы является рассмотрение в историческом контексте устоявшихся дерогативных клише, распространявшихся на сектантов: автор прослеживает корни этого явления, справедливо отмечая существование подобных — зачастую обоснованных — стигм в контексте гностических течений.

Третья глава, «Езидизм и гностическое поле», представляет собой анализ гностических элементов в образе единого бога *хуадэ*, а также главного персонажа езидской священной триады — Ангела-Павлина (Малак-Тавуса) и некоторых божеств езидского пантеона. Среди прочих гностических элементов следует выделить одну из наиболее интересных деталей — наличие легенды о происхождении езидов, восходящей к библейской апокрифической традиции и имеющей явные гностические корни.

В *Заключении* автор приводит основные выводы работы. В частности, подчёркивается, что ряд общих элементов, разделяемых недогматическими течениями ближневосточного региона, включая езидизм, невозможно объяснить ни взаимным влиянием — в силу немиссионерского характера сравниваемых доктрин, ни параллельным развитием в определённую историческую эпоху. Автор определяет подобные общие элементы как специфические отличительные маркеры ближневосточной недогматической среды; наиболее знаковые из них возникли в регионе задолго до появления ислама и сохранились в рамках ряда течений как следствие отсутствия у последних чётко сформулированной догмы. Прослеживая генезис ряда параллелей, автор связывает их прежде всего с опосредованным влиянием недогматической среды, а не с прямой преемственностью (за исключением суфизма). Такой подход позволяет избежать методологического редукционизма — сведения езидизма к комплексу заимствованных элементов.

В работе фактически впервые предпринята попытка систематического типологического и феноменологического сопоставления езидской традиции с суфизмом, крайним шиизмом и гностицизмом в рамках комплексного сравнительного анализа. Исследование демонстрирует глубокое владение материалом во всех затронутых областях, позволяющее автору выстраивать глубинную и убедительную аргументацию.

Работа представляет особый интерес для исследователей Христианского Востока и иудаизма эпохи Второго Храма, поскольку некоторые мифы и религиозные

представления езидов хорошо известны именно из иудаизма этого периода (например, падение падшего ангела из-за отказа поклониться только что сотворенному Адаму; об истории этого мотива прежде Корана см.: S. Minov, "Satan's Refusal to Worship Adam: A Jewish Motif and Its Reception in Syriac Christian Tradition," in: M. Kister et alii (eds.), *Tradition, Transmission, and Transformation from Second Temple Literature through Judaism and Christianity in Late Antiquity* (STDJ 113; Leiden: Brill, 2015), pp. 230-271). Из существующих до нашего времени религиозных традиций, которые принято относить к гностическим, столь древние корни хорошо известны для традиции мандейской, поэтому проведенное в диссертации сопоставление традиций езидов с традицией мандеев представляет особенный интерес. Автор «исключает прямое мандейское влияние на езидизм» (с. 71), но справедливо указывает на некоторые представления, которые восходят к общим источникам. Тут, возможно, следует обратить особое внимание на культ «Ангела-Павлина» (Малак-Тавуса), который может быть связан с до сих пор остающимся малопонятным поздним иудейским культом птицы Феникс (изображавшейся обычно в виде павлина), который нельзя объяснить механическим заимствованием из эллинистической культуры, и который играл важную роль в некоторых иудейских космологиях эпохи Второго Храма. Материал диссертации открывает перспективы исследования в этом направлении.

К безусловным научным достижениям автора следует отнести выведение проблемы в междисциплинарное поле и постановку вопроса о принадлежности езидизма к общему недогматическому пространству региона. Подобный подход позволяет выйти за рамки изучения езидизма как системы-изолянта, что расширяет представления и о корнях этого феномена, и о его нише на религиозной карте Ближнего Востока.

Следует особо отметить концептуализацию (применительно к ближневосточному пространству) категории «недогматическая религиозная среда» как особого метарелигиозного пространства, внутри которого формируются синкретические религиозные системы. Эта идея чрезвычайно продуктивна и имеет потенциал для дальнейшего применения при анализе других ближневосточных религиозных феноменов.

Особого внимания заслуживает источниковедческая база, лежащая в основе исследования. Автор опирается не только на классические письменные памятники ближневосточных религиозных традиций (персидские, арабские и армянские средневековые источники; раннесуфийскую литературу; крайнешиитский текстовый материал) и солидный корпус академической литературы, но и на широкий спектр оригинальных текстов езидов, многие из которых введены в научный оборот благодаря непосредственной работе диссертанта. Диссертант является автором десятков научных монографий и статей по теме диссертации, вышедших на разных языках преимущественно в западных академических изданиях, что указывает, что данная диссертация представляет собой результат многолетних исследований автора. Существенно обогащают исследование полевые наблюдения, интервью с носителями

традиции, фиксация локальных ритуальных практик, а также сбор фольклорных текстов. В ряде случаев именно данные полевой этнографии позволяют уточнить семантику терминов, выявить трансформацию обрядов и реконструировать локальные варианты религиозных представлений. Столь широкая эмпирическая база делает выводы автора особенно убедительными.

Отдельно следует отметить методологический синтез (феноменология религии, структурализм, классическая компаративистика, текстологический и герменевтический анализ, данные полевой этнографии), позволяющий автору выйти за пределы описания и перейти к концептуальному и всестороннему осмыслению структуры недогматической религиозности.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что автор формирует новую аналитическую модель для изучения недогматических систем, прежде всего — езидизма. Концепция недогматической религиозной среды, предложенная и аргументированно обоснованная в исследовании, позволяет выстраивать новые методологические подходы к анализу традиций, ранее находившихся на периферии академического внимания. Эта модель может быть продуктивно использована и для исследования других синкретических религиозных феноменов региона — от крайнешейтских течений до поздних гностических групп. С точки зрения практической значимости положения работы могут послужить материалом для учебных пособий по сравнительному религиоведению, а также быть востребованы структурами, занимающимися вопросами сохранения культурного наследия и работы с этноконфессиональными общинами.

Некоторые замечания:

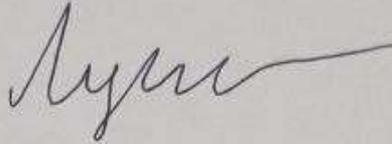
- В рамках подобного исследования было бы полезно шире осветить поздние этапы эволюции недогматической среды, в частности период, когда езидизм уже полностью оформился как принципиально новое, отдельное от ислама течение;
- Работу, безусловно, качественно дополнил бы анализ недогматического поля, прежде всего езидизма, в современных условиях — с учётом процессов в ближневосточном регионе последних десятилетий и расширения езидской диаспоры, общины которой функционируют в принципиально иных условиях.

Указанные замечания носят рекомендательный характер и не умаляют общего высокого уровня исследования.

Заключение: работа представляет собой зрелое, концептуально выстроенное исследование, основанное на большом объёме оригинальных данных, глубоких филологических и религиоведческих знаниях автора и методологически выверенном подходе. Диссертация вносит значительный вклад в изучение недогматических систем Ближнего Востока, расширяя представления о механизмах их взаимодействия. Работа отвечает требованиям, предъявляемым к научным исследованиям подобного уровня, и её автор заслуживает присуждения степени доктора исторических наук по специальности «теория и история религий».

Руководитель лаборатории
восточнохристианских исследований
Научно-исследовательского
института древних рукописей
им. Месропа Маштоца, Ереван

доктор философских наук В.М. Лурье

14.01.2026

Подтверждаю подпись руководителя Лаборатории восточнохристианских исследований Научно-исследовательского института древних рукописей имени Месропа Маштоца доктора философских наук Вадима Мироновича Лурье.

Заместитель директора
Научно-исследовательского института древних рукописей
имени Месропа Маштоца (Матенадарана) по научной части,

к.и.н. Ваге Торосян.